Юэ Цинь прикрыл глаза жене и повёл её в кабинет...

— Та-да-да-дам...

— Первое пианино будущей величайшей пианистки! — мужчина крепкого телосложения с ростом метр девяносто выглядел как подросток, только что вручивший своей любимой подарок, купленный на все свои сбережения.

«Неужели это всё ещё тот глупый идиот?».

У президента Кана возникло желание записать эту фразу, чтобы в будущем использовать её на своих девушках.

Ся Шэнь на секунду замерла, затем крепко обняла своего мужа.

«Девушка, ты должна смотреть не только на физический объект. Он потратил двадцать пять тысяч, не сказав тебе ни слова! Посмотри, в каком положении находится твоя семья, а он всё ещё тратит такое количество денег! Это же провал!»

На пианино также лежало письмо.

Ся Шэнь взяла его в руки.

«Жена, сегодня учитель спросил нас, о чём мы мечтаем, и ты сказала, что хочешь стать пианисткой, как Ланьлань. Когда старик Лю спросил меня о моей мечте, я ничего не сказал, чтобы не вызвать у него кровоизлияние в мозг. На самом деле, я мечтал о счастливой семейной жизни с тобой. Я начну откладывать деньги с сегодняшнего дня, надеясь, что, когда ты исполнишь мою мечту, я смогу позволить себе покупку пианино для тебя, чтобы помочь тебе осуществить твою.

Твой восемнадцатилетний муж, Юэ Цинь».

— Я начал откладывать деньги ещё во время учёбы, но постоянно появлялись обстоятельства, которые истощали эти сбережения.

Он тратил деньги на свидания, на свадьбу, роды и лечение ребёнка. Всё отнимало кусочки от суммы, которую он выделил на мечту своей любимой, словно привязывая эту мечту к себе.

— Я знаю, что ты хотела стать пианисткой, а не учительницей в центре искусств, которая учит детей петь ноту «фа», а один ребёнок всё время говорит «хуа»...

— Это наше первое пианино. Будет второе и даже третье.

Из-за особых условий жизни их сына они всегда разумно тратили деньги на семейные нужды, в основном на содержание троих членов семьи и образование сына. Мечты были для них роскошью.

Юэ Цинь раньше работал таксистом, и это были все его сбережения, накопленные от той работы. Он понимал, что тратить двадцать тысяч, не имея высокооплачиваемой основной работы, неразумно.

Однако, если бы он так думал, он бы просто продолжал и дальше думать об этом, и пианино никогда бы не появилось в их доме.

Ся Шэнь потеряла дар речи и лишь крепко обняла мужа. Что-то в её сердце слегка вибрировало — это была радость.

Юэ Цинь принёс сына, высунувшего голову из-за дверного проёма, в комнату.

— Давай послушаем, как мама играет на пианино!

Ся Шэнь вытерла слёзы, села перед пианино, взяла несколько партитур и начала играть.

Президент Кан не в первый раз слышал фортепианное исполнение. Он даже не возлагал никаких надежд на эту женщину. В конце концов, всё его впечатление от неё сводилось к тому, что Ся Шэнь водит его на занятия, сбивает кого-то с ног или учит кучу малышей ритму и шагу. Всё это было слишком далеко от таланта пианистки.

Однако, когда она села за инструмент, её натренированная осанка несомненно излучала уверенность.

Её пальцы заплясали по клавишам, музыка разлилась по всей квартире.

Она легко проникала в уши ребёнка, вызывая дрожь по всему телу.

Она распространилась по его кровеносным сосудам и привела к сердцу. Его сердцебиение стало торопливым и сильным, как будто в груди бились яростные волны.

После музыки отец и сын погрузились в фортепианную пьесу Ся Шэнь. Никто ничего не говорил.

Особое чувство распространилось по комнате. Президент Кан не мог описать его, только

чувствовал, что атмосфера в комнате была невероятной.

Вдруг сверху раздался очень громкий голос:

— Чей горшок горит?

Автору есть что сказать: Маленький театр...

Властный босс: Вот это учитель игры на фортепиано!

<http://tl.rulate.ru/book/61640/1888741>